

Е. В. Смирнов

**ПОЛИТИКА НЕМЕЦКИХ ВЛАСТЕЙ
В ОТНОШЕНИИ БЕЛОРУССКОГО ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
В УСЛОВИЯХ ОСВОБОЖДЕНИЯ БЕЛАРУСИ ОТ ОККУПАЦИИ
(ОСЕНЬ 1943 – ИЮЛЬ 1944 ГОДА)**

Статья посвящена политике немецких властей в отношении белорусского гражданского населения в условиях освобождения Беларуси от оккупации. В статье рассмотрены такие основные аспекты и особенности проведения оккупационной политики, как уничтожение населения в ходе карательных операций, заражение гражданского населения сыпным тифом и проведение операции 1 005 по сокрытию следов массовых расстрелов белорусского населения.

Осенью 1943 г. Красная Армия вышла к границам БССР. В то же время активную помощь советским войскам оказывали партизанские формирования, которые к этому времени контролировали почти 60 % территории Беларуси. Партизаны и подпольщики предпринимали действенные меры по спасению населения от насильственного угона в Германию.

Учитывая сложившееся положение в тылу и на фронте немецкие оккупационные власти перешли к усилению эксплуатации и вывозу материальных ресурсов Беларуси.

В начале октября 1943 г. оккупационные власти увеличили планы заготовок для крестьянских хозяйств. В случае невыполнения норм в отношении отдельного крестьянина или всей деревенской общины применялись санкции в виде денежного штрафа, реквизиции скота и инвентаря, выселения из деревни, принудительных работ. Готовясь к эвакуации, германские хозяйственные службы продолжали усиленно эксплуатировать белорусскую деревню. Например, за два месяца до окончания сроков выполнения заданий на 1943–1944 гг. хозяйственный год гебитскомиссар г. Слонима Герхард Эррен отмечал, что в сложных условиях, обусловленных усилением партизанской борьбы, заготовки важнейших видов зерновой сельхозпродукции выполнены на 75,8 %, фуража – 109,5 %, картофеля – 82,7 %, овощей – 80,7% [1, с. 12].

Важнейшую роль в обеспечении экономических и военных потребностей Рейха и вермахта оккупационные власти отводили использованию людских ресурсов республики. В период освобождения Беларуси оккупационные власти принудительно направляли в трудовые лагеря местных жителей, продолжительность пребывания в которых определялась армейским командованием, затем стали сформировать специальные отделы по организации работы гражданского населения. Численность одного отдела составляла около 1000 человек. Гражданское население широко использовалось для выполнения различных хозяйственных функций: строительства инженерных заграждений, торфозаготовок и другим работам. При отступлении немецких войск эти команды перебрасывались дальше на запад. Общее количество белорусских граждан, привлеченных весной 1944 г. в качестве рабочей силы и размещенных в специальных лагерях на территории подконтрольной группы армии «Центр», составляло в среднем 75 тыс. человек [1, с. 13].

В период освобождения Беларуси немецкое командование начало массово мобилизовать немецких рабочих в Вермахт что привело к дефициту немецких рабочих в промышленности Германии. Чтобы решить эту проблему, немецкие власти стали требовать от бирж труда увеличения поставок рабочей силы.

14 января 1944 г. А. Розенберг издал распоряжение о том, чтобы генеральный комиссар Белоруссии поставил в Германию 50 000 рабочих. «Одной из важнейших предпосылок потребности в восточных рабочих является высвобождение немецких мужчин

для вермахта. Возникающие в связи с этим пробелы необходимо покрыть за счет иностранной рабочей силы. На состоявшемся на этих днях совещании у фюрера была определена общая потребность в рабочей силе для военной экономики рейха на 1944 г. и определен порядок ее покрытия за счет привлечения всех занятых областей. В генеральном округе Белоруссия нам требуется 50 000 человек...» [2, с. 265-267].

Одним из источников пополнения рабочей силы был захват трудоспособного населения в ходе карательных акций. В качестве примера можно привести телеграмму сотрудника Минского СД Вильке командиру полиции безопасности и СД Минска, показывающую нам результаты операции проведенной в октябре 1943 г. под кодовым названием «Фриц»: «Захвачено рабочей силы: мужчин – 6 752, женщин – 3 264, детей – 1 708. сожжено 87 деревень» [3, с. 224–225].

Последние годы оккупации нацистами стала широко применяться тактика «выжженной земли» против гражданского населения. В течение осени 1943 – первой половины 1944 гг. в зоне действия карательных акций против партизан войска СС и команды СД охранные и полевые части вермахта провели около 100 карательных операций, в результате действий нацистов погибло более 107 тыс. человек. Этот период был ознаменован такими чудовищными явлениями оккупационной политики, как создание комплекса лагерей смерти в марте 1944 г. недалеко от деревни Озаричи, куда немецкое командование согнало здоровых и больных сыпным тифом белорусских граждан с целью спровоцировать эпидемию у нетрудоспособного гражданского населения и у наступающих частей Красной Армии при освобождении узников лагеря [1, с. 10].

Подтверждением этого является акт ЧГК от 10 мая 1944 г. об умышленном распространении нацистским руководством сыпного тифа среди гражданского населения: «Лагери представляли собой открытую площадь, обнесённую колючей проволокой. Подступы к ним были заминированы. Никаких построек, даже лёгкого типа, на территории лагерей не было, заключённые размещались прямо на земле. Рядом со здоровыми лежали и сыпнотифозные больные. Многие из них, потерявшие способность двигаться, без памяти лежали в грязи. Заключённым было запрещено разводить костры, собирать хворост для подстилки. За малейшую попытку нарушения этого режима немцы расстреливали советских людей...» [4, с. 10]. Данные, содержащиеся в этом акте подтверждают тезис о том, что, нацисты искусственно создали условия для распространения сыпного тифа у узников лагеря. В результате действий нацистов менее чем за одну неделю погибли более 17 тысяч человек.

Для сокрытия следов своих преступлений в августе 1943 г. нацисты создали «зондеркоманда 1005–Центр» которая занималась уничтожением следов массовых расстрелов белорусского населения. С осени 1943 г. и до конца оккупации происходило массовое уничтожение трупов в полукилометре от рабочего лагеря Тростенец, где гитлеровцы построили кремационную яму-печь для сожжения человеческих тел.

С целью координации работ по уничтожению следов преступлений на территории восточной части Беларуси в конце сентября 1943 г. в Могилёве была проведена встреча руководства зондер- и айнзатцкоманд айнзатцгруппы Б, которые действовали в тылу группы армий «Центр». По результатам встречи, был отдан приказ, согласно которому каждая из вышеназванных структур создавала специальное подразделение для реализации «эксгумационных работ», проведение которых должно было обеспечено путем привлечения узников из близлежащих лагерей и тюрем. В тот же день в районе деревни Пашково около Могилёва было организовано «показательное сожжение» трупов 100 местных граждан, сложенных в специальный костер. На этой акции присутствовали представители команд СД из Бобруйска, Гомеля, Витебска, Могилёва и Минска.

В западных областях Беларуси «операция 1005» началась позже – весной 1944 г. В мае 1944 г. НКГБ БССР сообщал о том, что «в 5 км севернее г. Пинск у деревни Гадево

разрываются девять массовых могил, в которых похоронено свыше 30 тысяч военнопленных и мирного населения еврейской и белорусской национальностей, расстрелянных немцами в 1941–1942 гг. Извлеченные из могил трупы обливаются горючим и сжигаются» [5].

Всего в результате проведения «операции 1005» было эксгумировано и сожжено более 300 тысяч трупов [6 с. 150].

На основании проведённого исследования можно заключить, что немецкое руководство, учитывая сложившиеся положение в тылу и на фронте, перешло к массовому вывозу материальных и людских ресурсов, а также уничтожению белорусского гражданского населения, которое было непригодно к использованию в промышленности Третьего Рейха. Именно на этот период пришёлся пик проведения карательных операций и ухудшения положения белорусского гражданского населения, которые стали заложниками нацистской системы и самых чудовищных военных преступлений. В связи с наступлением частей Красной Армии и понимая поражение в Беларуси нацистами была проведена «операция 1005» по уничтожению следов геноцида белорусского народа.

Литература

1 Освобождение Беларуси. 1943–1944 гг. / В. В. Абатуров, А. М. Литвин, Н. Ф. Азяский. – Минск : Белорусская наука, 2014. – 992 с.

2 Распоряжение А. Розенберга рейхскомиссарам Остланда, Украины и Генеральному комиссару Белоруссии о поставке в Германию 350 000 рабочих от 11 января 1944 г. // Белорусские оstarбайтеры. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941 – 1944) : документы и материалы : в 2 кн. – Кн. 2 (1943–1944) / сост. Г. Д. Кнатько, В. И. Адамушко и др. – Минск : НАРБ, 1997. – С. 265–267.

3 Телеграмма сотрудника Минского СД Вильке командиру полиции безопасности и СД Минска о результатах антипартизанской операции «Фриц» // Трагедия белорусских деревень, 1941–1944 : документы и материалы / сост. Н. В. Кириллова, [и др.] ; редкол. В. И. Адамушко [и др.]. – Москва : Фонд «Историческая память», 2011. – С. 244–245.

4 Акт ЧГК об умышленном распространении немецко-фашистскими палачами сыпного тифа среди советского населения // Лагери смерти : сб. док. О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Белоруссии / Чрезвычайная Государственная Комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. – Москва : ОГИЗ «Политиздат», 1944. – С. 10.

5 Сообщение НКГБ БССР № 4/3-71 в ЦК КП(б) Белоруссии и СНК БССР о попытках немцев ликвидировать следы своих преступлений [Электронный ресурс] : 16 мая 1944 г. – Режим доступа: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/180005>. – Дата доступа: 22.04.2024.

6 Кулинок, С. В. «Операция 1005»: уничтожение нацистами следов преступлений на территории Беларуси в 1943–1944 гг. / С. В. Кулинок // Журнал российских и восточноевропейских исследований. – 2021. – № 2 (77) – С. 126–185.

УДК 811.161.3'42'25:821.161.3-311.6

Е. А. Титоренко

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ КНИГИ “Я З ВОГНЕННАЙ ВЁСКІ...”

В статье анализируются особенности традиционной военной прозы, отмечаются изменения, произошедшие в организации повествования документальной книги “Я з вогненнай вёскі...”. Особое внимание уделено переводу аутентичной белорусской